

ТАМАРА ИШИНА

ОРИГОН

ФАНТАСТИКА

Тамара Ишина

Оригон. Фантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606913

ISBN 9785449036438

Аннотация

Мысль, как бритва, резанула сознание, он убегал от нее или, нет, он... изолировал ее от себя, бессознательно, совершенно инстинктивно. Он всегда умел рассуждать холодно и остро, и теперь, вывод, который он сделал, его рассердил. Два века он не знал сомнений, только долг и миссия были его истинной верой, а теперь? Теперь ему, Оригону, приказали убить смертную девчонку, а он, лучший боец во всей империи млеет перед ней, часами наблюдая, как она спит.

Оригон Фантастика

Тамара Ишина

© Тамара Ишина, 2018

ISBN 978-5-4490-3643-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я открыла глаза, острое чувство, что я не одна заколо-
ло иголками страха. Сдерживая дыхание, я всматривалась
в темноту, ощупывая взглядом знакомые очертания предме-
тов в комнате. Страх не проходил, сердце бешено стучало,
хотя мозг уже придумывал правдоподобное объяснение мо-
ему странному предчувствию, успокаивая и убаюкивая рас-
тревоженное сознание. Я глубоко вдохнула, успокаивая рас-
шалившиеся нервы, и уже презрительные слова собствен-
ной трусости были готовы сорваться с пересохших губ, ко-
гда привыкший к темноте глаз заметил несоответствие в об-
становке, вернее что-то громоздилось в углу комнаты. Серд-
це вновь сорвалось в галоп. Тени, такие вязкие в этой кро-
мешной тьме, зашевелились и надвинулись на меня, в горле
застрял крик. Он бесшумно скользнул ко мне, почему-то я

была уверена, что это был именно Он, не она, не оно. Мужская энергетика мощными потоками заполняла пространство, в ней не было угрозы, но было что-то такое, что я не могу так просто описать. Я боялась дышать, хотя сознание требовало решительных действий, ну хоть какой-то реакции... казалось, он меня загипнотизировал, где-то глубоко внутри я знала, что сопротивление бесполезно, а главное не нужно. Он следил за моей реакцией, я почти физически чувствовала, как его внимательный взгляд буквально ощупывает мое застывшее лицо, мою нелепую позу, он тоже чего-то ждал. Я погрузилась в вязкую дрему, будто все это происходило со мной во сне, а значит логика не поможет, надо отдаться бессмысленным образам или попытаться проснуться... но мне не хотелось. Я медленно легла, уютно устроившись в складках толстого одеяла, но сквозь полузакрытые веки продолжала ловить его неясные очертания, я больше не боялась. Блеснули зубы, он улыбался, нет улыбка была мимолетной, почти призрачной, но я ее заметила. Он остановился совсем рядом, так близко, что я могла чувствовать тепло его тела.

– Ты не боишься?

Это был тихий шепот, он присел на пол, я уловила его дыхание. Мне не хотелось говорить, я мотнула головой. Он, казалось, был озадачен. Я сонно пробормотала что-то несвязное, он наклонился, чтобы лучше меня слышать.

– Ты здесь не первый раз, я чувствовала тебя и раньше...

Он выдохнул, задумался... глаза сами собой закрывались. Я была уверена, что это сон, и этот мужчина мне не чужой, хоть я и не могу вспомнить его имя, но ведь это всего лишь сон, я в безопасности, он позаботится обо мне.

Оригон в полном недоумении смотрел на это странное человеческое создание. Почему она не закричала? Не попыталась убежать? Не звала на помощь? А просто легла и заснула, оставаясь совершенно незащищенной перед ним. Не то чтоб ее сопротивление могло его взволновать, но именно этого он ожидает от жертвы. Его боятся все, даже те, кто являются его хозяевами, а эта девчушка мирно спит, когда он, Оригон, рядом, когда его натренированные сильные руки всего в нескольких сантиметрах от ее хрупкой шеи, это безумие. Может поэтому, он уже неделю пробирается к ней и все никак не может завершить задуманное. Она что-то пробормотала во сне, он застыл, прислушался... наверное ему показалось... или нет, она просила его остаться. Он нерешительно протянул к ней руку, не касаясь, обвел контуры ее лица, вздрогнул, когда ее теплое дыхание коснулось его ладони. Он ничего не понимал, и это его бесило. Резко выпрямился, гибкой тенью мелькнул к окну и растворился в темноте.

Он бежал уже больше часа, дыхание даже не сбилось, в таком темпе он мог нестись почти сутки, но куда он бежит? Или от кого? Оригон заставил себя остановиться, осмотрелся. Мысль, как бритва резанула сознание, он убегал от нее

или, нет, он... изолировал ее от себя, бессознательно, совершенно инстинктивно. Он всегда умел рассуждать холодно и остро, и теперь, вывод, который он сделал, его рассердил. Два века он не знал сомнений, только долг и миссия – было его истинной верой, а теперь? Теперь ему, Оригону, приказали убить смертную девчонку, а он, лучший боец во всей империи млеет перед ней, часами наблюдая, как она спит.

– Проклятье!

Почему она не сопротивляется, почему не пытается себя защитить от него? Разве не чувствует она, какую опасность он представляет? Вопросы хороводом кружили в его голове. Или может, это и есть ее дар, тот, за который старейшины приговорили ее к смерти... она ведьма, она пленила его, он потерялся, запутался... возможно, если он увидит ее днем, тогда, когда ночь не делает ее столь хрупкой и беззащитной, он сможет увидеть ее суть, и тогда чары развеются, он сможет выполнить свой долг, не терзаясь.

Твердо решив действовать, Оригон повернул вспять. Он шел не торопясь, возвращая себе потерянное спокойствие.

Я блаженно потянулась в постели, приятно хрустнули косточки. Выходной, сколько надежд в этом обычном слове. Давая себе немного времени, чтобы почувствовать всю прелесть заслуженного ничегонеделания, я рывком встала с постели. Отработанными скупыми движениями включила музыку, мой заряд бодрости на утро, с наслаждением отда-

лась заводному ритму, от души размявшись, и получив необходимую толику оптимизма, побежала в ванную. Потокотом полученной свежести внеслась обратно в спальню и застыла, непонятное чувство, близкое к узнаванию, но такое сумбурное и эмоциональное, что я так и не смогла сосредоточиться на своих ощущениях, мелькнул неясный образ, почему-то темный... Ах, да! Мне же снился сон, точно, странный, и там был еще кто-то, кто-то... я не могла вспомнить. Больше не терзая свою память, я занялась уборкой, опять же под музыку, в голос подпевая любимым исполнителям.

Уже совсем стемнело, я опять не рассчитала время, домой почти бежала, но ничего не могла поделать со сложившейся ситуацией. С работы я уходила поздно, и мои вечерние пробежки неумолимо переходили в ночные приключения. Мне порой казалось, что я самый отчаянный трус на планете Земля, каждый шорох рождал нездоровые фантазии, переходящие в манию. На этот раз повезло, добраться до подъезда без неприятных инцидентов, алкоголики-тунеядцы именно в этот вечер решили сделать передышку, и улицы приятно пустели, я позволила себе даже немного расслабиться. Перепрыгивая сразу через несколько ступеней, я бодро неслась вверх к горячей ванне и душистому мылу. Еле слышимый стон заставил меня напрячься, я вслушалась в тишину... впереди какое-то шевеление. Я резко выдохнула и смело шагнула навстречу... о, кому-то плохо! Молодой человек

силился встать на ноги, спиртных паров в воздухе не чувствовалось, страшных ран и увечий не наблюдалось, но каждое движение, казалось, причиняло ему боль.

– Вам плохо? Помощь нужна?

Выдавила я хриплым голосом. Может это наркоман? Ломка? Он вздрогнул, паника отразилась на его перекошенном лице, что-то пробормотав невнятное, он вдруг резко бросился в сторону и, загремев по лестнице, скрылся в нижних пролетах. Я недоуменно всматривалась в пустоту, где только что был парень, твердо решив не заморачиваться, побрела до своей квартиры.

15 минут до того...

Оригон мягко открыл дверь в парадную, неяркий свет озарил его сосредоточенное лицо, цепким взглядом он прошелся по обшарпанным стенам подъезда, по стертým ступенькам лестниц. Движение в затемненном углу он заметил сразу, только не подал виду. Мужчина твердо прошел дальше, спокойно пересек парадную, почти уже преодолев злощастный угол. Лезвие сверкнуло и погасло почти мгновенно. Оригон даже и не пытался отразить удар, просто ушел в сторону, развернувшись к противнику, почти мягко коснулся груди последнего, тот захрипел, медленно осел. Мужчина подобрал выпавший нож, бросил презрительный взгляд на некачественную сталь и абсолютно бездарное исполнение, сжал холодную сталь в ладони, и та рассыпалась порош-

ком цвета ржавчины. Незадачливый грабитель в ужасе глядел на странного человека, шевелиться он все еще не мог, боль была страшная. Оригон опустился рядом с поверженным врагом, тот в панике вжался в стену, не в силах отвести взгляд.

– Та боль, которую ты чувствуешь – совокупность всей боли, которую ты причинил другим. Каждая новая попытка сеять зло, увеличит ту боль, что уже принадлежит тебе...

Хлопнула входная дверь. Оригон распрямылся, и еще до того, как на лестнице раздались первые легкие шаги, скрылся в темных закоулках запасного выхода.

Под ногами глухо хрустел мелкий мусор. Небо затянуло тучами, и мелкий нудный дождь забарабанил по крышам. Оригон не замечал непогоды, его волосы давно намокли и сосульками торчали во все стороны, он был мрачен. Прошел месяц, а он так и не решился, с каждым днем все больше увязая в собственных сомнениях. Вопросы, вопросы, они мучили его, заставляли думать, опрокидывали его намерения, ставили все с ног на голову. Одинокий осенний лист принес ему промозглый ветер, тот плавно спланировал к его ногам, сверкнув влажным золотом.

Она совсем не походила на ведьму... Он устало закрыл глаза. Чистая, восторженная, немного взбалмошная, она все вокруг наполняла солнечным светом... Ее улыбка..., он

с усилием отогнал ее смеющийся образ, глубоко вдохнул. Ведьма? Он усмехнулся. Вчера он выключил оставленный ее утюг, розетка к этому моменту начала плавиться и искриться, позавчера она умудрилась заснуть, когда на газу стояла кастрюля с водой для пельменей, закипев, вода перелилась через край и залила слабое пламя, пространство стало заполняться бесцветным газом... Сегодня она порезалась, неумело орудуя кухонным ножом. На днях он вернул ей деньги, оставленные в магазине по рассеянности, продавщицу, что с нескрываемой радостью решила воспользоваться оплошностью его подопечной, он наказал... Целая череда мелких и не очень неприятностей была предотвращена им, он просто диву давался, как она умудрялась выживать все это время без него. Тревога кольнула сознание, он не видел ее уже несколько часов... его быстрые шаги заглушал набирающий обороты дождь.

Я сидела на полу и ревела... Слава Богу всех спасли, внутри будто прорвало платину, и слезы были легкими, слезы облегчения, а не боли. Я всматривалась в чумазое личико ребенка, все еще хранившее следы пережитого ужаса, но уже начинающее оттаивать. Его мать прижимала хрупкое тельце с такой любовью и преданностью, будто пыталась защитить его от всего мира сразу. Я хлопала носом, я была с ними... Наконец, найдя в себе силы, я заставила выпрямиться свое застывшее тело, доковыляла к телевизору и выключила его,

на сегодня переживаний хватит.

Оригон сам не знал, что же в конце концов не дало ему ворваться в ее квартиру... Когда он увидел застывшее выражение боли на ее светлом личике, влажные дорожки слез, сжатые до бела кулачки, внутри у него что-то оборвалось. Жестким взглядом он буравил пространство в поисках своего врага, того, кто посмел причинить ей страдания... и не находил. Наконец, его сознание прояснилось, он чертыхнулся, но пакостная дрожь все еще прокатывалась по его мышцам, адреналин бурлил в венах, он облегченно выдохнул. Оригон зачарованно всматривался, как менялись ее эмоции, как она реагировала на то или иное событие в фильме, восторженные реплики, крики ужаса или тихая печаль, как кадры сменялись в ней, она жила сразу несколькими жизнями, вписывалась сразу в несколько ролей, но при этом оставалась собой, искренней до обнажающей незащищенности.

Она затихла, дыхание стало ровным, ее легкое присутствие лишь угадывалось в теплой темноте комнаты, она как будто сжалась до прозрачности, но при этом умудрялась быть везде и всюду: вот ее мягкость в складках невесомых штор, ее жизнерадостность в озорных отблесках на стене, ее упрямство в твердых очертаниях оконных рам, ее лояльность в причудливом беспорядке множества разношерстных предметов, ее хрупкая незащищенность в прозрачном воздухе, напоенном ароматом ее волос. Оригон одернул себя,

он не должен думать о ней так... Он вообще не должен о ней думать. Он медлил. Желание бежать прочь, переплеталось с болезненной надобностью быть рядом с этим солнечным существом, чувствовать ее настроение, ловить ее улыбки, красть минуты ее откровения. Он пересилил соблазн остаться до утра, мягко шагая, он вышел через дверь, щелкнул замок.

– Что происходит, Оригон?

Воин даже не обернулся на голос, он ощущал его присутствие уже несколько минут и терпеливо ждал, когда тот поведаст ему о цели своего визита. Оригон молчал, задумчиво прохаживаясь вдоль края плоской крыши.

– Пожалуй ты мне объясни... с каких пор мы убиваем людей, что являются, бесспорно, украшением своей расы?

Оригон метнул тяжелый взгляд в сторону собеседника, тот был высок и сух, его нарочитая медлительность была обманчива, Оригон прекрасно знал, на что способен этот мужчина. Аксель помедлил, прежде чем ответить.

– Ты испытываешь ЧУВСТВА к человеку.

Эту фразу он выплюнул с таким презрением, что Оригон невольно напрягся. Это не был вопрос, но утверждение. Оригон даже не думал оспаривать его.

– Ты не ответил.

Оригон твердо глядел на собеседника. Тот в свою очередь отвел напоенный злобой взгляд в сторону, свистяще выдох-

нул, давая себе время успокоиться.

– Она... изгнанная.

Выпалил он на одном дыхании, омерзение вновь отразилось на его твердом, как из камня, лице.

Оригон застыл, его взгляд стал свинцовым, почти непроницаемым, он мотнул головой, отгоняя жуткую мысль. После услышанного, он не должен был задавать других вопросов, но не мог побороть в себе желание знать все, прежде... прежде, чем решиться действовать.

– Ее имя?

– Пифия.

Это был еще один удар. Оригон медленно опустился на колени, это имя... оно причиняло нестерпимую боль, он почти задышался.

– Разве можно любить сильнее?

Оригон притворно нахмурился, она все время пыталась ему что-то втолковать, он лишь отшучивался, хотя прекрасно понимал, что тревожит его прекрасную Пифию. Как же объяснить ей, что с неизбежностью мирятся... Он пытался заполнить все ее пространство, чтобы предательские мысли не роились в ее милой головке, но это было не в его силах. Она хотела детей. У бессмертных их быть не могло, и эта та правда, с которой она никак не могла смириться.

Когда это произошло, он был далеко, предательское сердце не подсказало, не предупредило о скорой беде, оно лишь

слепо отстукивало необходимый для жизни ритм.

Пифия безрассудно отказалась от всего того, что давалось ей по праву ее дара. Ритуал был проведен в спешке, охота началась еще до того, как он был завершен. О случившемся Оригон узнал тогда же, когда и все войны его империи. Его яростный крик, полный скорби и боли разлетелся по всей округе. Он не мог позволить, чтобы ее нашел кто-то прежде него.

Оригон мерил шагами крошечную комнату, дом лесника был в запустении еще несколько дней тому назад, теперь же пыль была стерта, самотканые половики закрывали потрепанные жизнью половицы, нехитрая утварь умелой рукой приведена в надлежащее состояние, кровать застелена аккуратно, но без затей. Плюшевый мишка понуро сидел у стены, ожидая хозяйку, из всего этого именно этот игрушечный зверь больше всего нервировал уставшего война. Она появилась на пороге, припорошенная ранним снегом, охалка дров в ее руках дрогнула и с грохотом разлетелась в стороны. Она не пыталась убежать, его ярость сковывала, пригибала к полу, но она стойко выдержала его полный боли взгляд. Медленно, будто только сейчас осознав, что может шевелиться, Пифия сделала несколько неуверенных шагов к нему. Оригон отшатнулся от нее как от прокаженной. Она больше не делала попыток, приблизится к нему. Сбросив теплую шаль, она скинула полушубок и вытащила ноги с вале-

нок, по-хозяйски устроив все вещи по своим местам, прошла вглубь комнаты, протянула озябшие пальцы к печи. Оригон не видел больших изменений в Пифии, может немного при-
тух свет вокруг ее хрупкой фигуры, и появилось что-то еще, чего доселе он не замечал, казалось она стала более материальной, более живой, теплой... Его Пифия стала человеком. Ее дар теперь – ее проклятье, приговор вынесен, и он – палач.

– Я думала, ты найдешь меня раньше.

Оригон вздрогнул, он не готов был говорить с ней, не желал этого.

– Я даже думала, что возможно это будешь не ты...

Он мрачно уставился на нее. Слезы мелькнули и погасли в ее огромных глазах, она не хотела усугублять его страдания, делать еще больше, чем уже сделала.

– Я нисколько не жалею. Помнишь песню, ... ничего не жаль, ... если за мечту...

Он обжег ее полным боли взглядом.

– Прости...

Еле слышно прошептали ее губы, она отвернулась, чтобы скрыть смятение.

Оригон с усилием выдернул себя из потока жутких воспоминаний, он не готов был пережить это вновь.

– Ты сделал это раз, сделаешь и снова!

Жестко процедил Аксель.

– Я не чувствую... в ней дара.

Слова давались Оригону с трудом.

– Никто не собирается ждать, пока он проявится. Ты должен убить ее.

– Человек без дара не опасен, его нельзя уничтожить, только из-за призрачной угрозы в будущем. Это противоречит нашему закону, Аксель!

Оригон уже вполне владел собой, он смерил Акселя холодным взглядом.

– Я был против, когда тебя назначили для выполнения этой миссии... и, как, оказалось, был прав! Ты слаб, Оригон! Ты все еще слаб перед ней.

Раздраженно выпалил Аксель.

– Ее поручат другому.

Уже спокойнее добавил он. Ярость, бешеная ярость затопила Оригона, накрыла с головой. Аксель отшатнулся в ужасе, побледнел.

– Вы ее не тронете!

Медленно и жестко процедил воин.

– Ты забываешься, Оригон!

Аксель нашел в себе смелость ответить, хотя голос предательски задрожал.

– Она...

Оригон быстро приблизился, не давая Акселю закончить фразу. Его рука железной хваткой обхватила горло смот-

рителя, тот бессильно захрипел, на глазах обмякая. Через мгновение воин разжал хватку, отпуская Акселя, давая ему судорожно глотнуть воздуха.

– Ты передашь всем, что она под моей защитой, покуда дар ее не проявил себя.

Совершенно спокойно проговорил он и зашагал прочь.

Тени мягко стелились, огибая ее миниатюрную фигуру, но сегодня сон ее был неспокоен, она металась, что-то шептала... Оригон мрачно стоял рядом, наконец, решившись, он присел у изголовья кровати, его рука застыла в нескольких сантиметрах от ее кожи, он почти чувствовал ее жар, но все еще не смел прикоснуться, опасаясь того, что может произойти потом, когда она станет для него еще более материальной, осязаемой, когда к ее образу прибавятся еще и осязательное узнавание. Она в очередной раз повернулась, ее обнаженное плечо коснулось его грубой ладони, от неожиданности Оригон застыл, он почти не дышал. Ощущения накрыли его с головой, в них было все, и шелковая гладкость, и нежная податливость, живая мягкость и человеческое тепло, ее неповторимый аромат, и пьянеющая, сводящая с ума близость. Она что-то пробормотала, Оригон заметил слабо поблескивающие дорожки слез на ее щеках, пальцы на ее плече дрогнули, он прочертил, едва касаясь кожи, линию от плеча до кисти и обратно. Он не совсем понимал, что делает, он лишь хотел, чтобы ее слезы высохли, и милая улыбка

ка вновь осветила это прекрасное личико. Казалось, его прикосновения успокоили ее, дыхание стало размереннее, она перестала метаться. Оригон убрал руку, но ладонь продолжала помнить шелк ее кожи, он приложил ее к своему лицу и вдохнул аромат. Почти сразу отдернул руку, когда сообразил, что делает что-то такое, что не может уложиться в его голове, это было неправильно. Он шумно выдохнул, и только теперь заметил, что на него пристально смотрят.

Почему я не кричу? Возможно, потому что мне не страшно. Почему мне не страшно? Как много вопросов... Я видела его всего в шаге от себя, я знала, что он смотрит на меня, но не собиралась предпринимать ровным счетом ничего. Почему, вы спросите у меня? Если бы я знала...

Он все еще не шевелился, стараясь будто раствориться в темноте. Я привстала, чтобы лучше рассмотреть моего незваного гостя.

– Что тебе снилось?

Я задумалась, пытаюсь вспомнить. Он терпеливо ждал. Не найдя ничего вразумительно для ответа, я переключилась на звучание его голоса, мне нравилось то, что я слышу... Интересно, как звучит мой голос в ночной тишине?

– Не помню.

Совсем не плохо. Какие глупости приходят в голову...

– Ты плакала во сне.

Он медленно приблизился, тихо сел на пол напротив меня. Я следила за его уверенными движениями, затаив ды-

хание, совершенно пропустив его реплику. Мне почему-то остро захотелось коснуться его лица. Почему бы и нет? Все уже настолько странно, что найдется место и этому идиотскому желанию. Я протянула руку, мои пальцы скользнули по грубой коже, нащупали более гладкий рубец, я медленно продолжала исследовать его лицо. Он не шевелился, казалось, впал в какое-то оцепенение, может, его поразила моя дерзость, ну и пусть.

– Что ты делаешь?

Наконец выдохнул он, справившись с первым потрясением.

– Не знаю.

Честно ответила я. Он перехватил мою руку, не грубо, скорее отчаянно, чуть отодвинулся. Я нисколько не обиделась, успокоившись на том, что уже узнала. Он встал, и я вдруг испугалась, что он может уйти.

– Мне почему-то кажется, что я знала тебя раньше. Но никак не могу вспомнить...

Он остановился, будто я задела что-то важное в его сознании. Он приблизился на несколько шагов, но все еще оставалось расстояние, которое он возвел как щит между нами.

– Тебе надо спать.

Вдруг спокойно проговорил он.

– А ты уйдешь?

Мой голос предательски дрогнул, выдавая отчаянную мольбу. Он мучительно медленно раздумывал.

– Нет. Если ты прямо сейчас ляжешь и попытаешься заснуть.

Я послушно откинулась на подушку, устроившись так, чтобы иметь возможность иногда украдкой бросать на него взгляд.

Так началась моя странная ночная жизнь. Я ждала его, я всегда ждала его... Безотчетное чувство, что он нужен мне, только крепло. Я думала о нем на работе, я пыталась воспроизвести в своем сознании его голос, как будто наш с ним диалог не прекращался ни на минуту, я искала его запах, и сердце радостно билось в предвкушении, когда вечером я переступала порог своего дома. Он появлялся бесшумно и так же исчезал, иногда ночи были безумно пустыми и бессмысленными, потому что мое ожидание не оправдывалось, он не приходил... Я заставляла себя жить без него, я училась терпению, я не нарушала ход привычной жизни, так же бегала по вечерам, наградой определяя себе его ночной визит, но с этим уже ничего не могла поделать.

Я замедлила ход, хотя мое тело было готово сорваться в галоп. Я заставила притихнуть мое вопящее сознание и приглушить зов, который чувствовала всегда, когда я точно знала, что увижу его. Это походило на пытку, но вполне осознанную. Я не могла позволить ему завладеть моей жизнью целиком. Я сопротивлялась, уповая на гордость и про-

стое чувство самосохранения. Так не могла продолжаться вечно, и однажды он исчезнет, но уже навсегда. Навсегда, какое страшное слово, оно прожигало насквозь. Я загнала назад слезы.

Страшным усилием воли я свернула всего в нескольких метрах от дома, я почти физически чувствовала, что он там, ждет меня. Сорвалась на бег, и без того уставшие мышцы обиженно загудели, я бежала, глотая холодный ветер вперемежку со слезами, когда только они успели появиться?

Я остановилась. Передо мной высилось многоэтажное здание, много выше, чем стандартные дома моего города. Проиgnорировав лифт, я бежала по лестнице, все выше и выше. Дыхание совсем сбилось, но я упрямо карабкалась, даже не допуская мысли, что люк на чердак может быть закрыт на замок.

Я толкнула дверь и вылезла наружу. Ветер почти сразу попытался сбить меня с ног, но я устояла. Вот край, а там зияет темная пустота, она ничего не обещает кроме полного забвения... Забвение? Нет, не этого я хочу, пусть все так сложно и непонятно... Я огляделась, серебрился асфальт в свете уличных фонарей, яркими пятнами включенных фар выдавали себя машины, окна домов уже во многих местах зияли темными провалами, город засыпал. Я ни о чем не думала, только наблюдала. Да, наблюдала, почему-то это слово зацепило меня, всколыхнулось знакомое чувство, я будто имела к нему непосредственное отношение, голова заболела.

ла от невозможности объяснить мне то, что выдавало подсознание.

Кто он? И почему в один миг моя свобода перестала что-то для меня значить? Я не пыталась подобрать высокие имена моим ощущениям, я просто знала, что они есть, что моя жизнь наполнилась до краев чувствами и эмоциями, которые доселе мирно дремали где-то на самых подкорках моего сознания.

– Высота, темнота, одиночество...

Я вздрогнула, осознав, что не одна.

– Последнее, пожалуй, вы нарушили.

Едко заметила я, страх перешел в раздражение. Мужчина нисколько не смутился.

– Нельзя нарушить то, что в основании, не загубив всей конструкции.

– По-вашему, одиночество – незыблемо?

Огрызнулась я.

– Нельзя спорить с тем, что очевидно. Не это ли привело тебя в холодный осенний вечер на крышу? Ты либо убегала от одиночества, либо искала его... Как видишь, – третьего не дано.

Я вспыхнула. Молчание затянулось.

– Почему люди выбирают высоту?

Он прошел мимо меня к краю и заглянул через огражде-

ние, убеждаясь, что земля действительно далеко.

– Хотят быть ближе к Богу...

Проронила я.

– Чушь! Быть дальше от земли еще не значит быть ближе к Богу.

– Тогда не знаю. Здесь вы у нас всезнайка.

Почему-то я была уверена, что мой резкий тон его не обидит. Он усмехнулся.

– Потому, что хотят обманываться.

Я вопросительно изогнула бровь, мое выражение осталось для него скрыто в темноте, но, казалось, он понял меня.

– Человек, все его понимание, о том, кто он есть, его порывы и желания, все это фальшь, игра, признаюсь, часто талантливая. Он будет тем, кем ему скажут быть, захочет того, что ему навяжут. Красивые жесты, умные фразы, были придуманы задолго до его рождения. Он – плагиат, фикция, тень кукловода. Ничтожество, возомнившее себя богом, а по сути, тварь дрожащая.

Я отшатнулась, хотя и так была в достаточном отдалении от него. Мне вдруг стало страшно от того, что уже несколько минут на этой крыше я была с абсолютно невменяемым человеком.

Он внимательно наблюдал за моей реакцией.

– А причем тут высота?

Голос предательски захрипел.

– Еще один красивый жест, романтическое представление о том, каким должен быть интересный человек. Как говорит молодежь, ФИШКА.

– А вы? Что тогда Вы? Человек, возомнивший себя выше выдуманных образов? Или может быть, кукловод? Судья? Миссия? Пророк?

Казалось, я уже не смогу остановиться...

– Или, может быть, ваша первичная роль вам не удалась? Бездарность, ставшая критиком?

– Наблюдатель.

Твердо остановил он меня. Я покачнулась, в голове все перемешалось, только утром я думала о...

– Не человек?

Вырвалось у меня. Он утвердительно кивнул.

– Тот, кто украдкой ворует вкус у жизни сладкой... не смея быть, убил желанья. Проклятье – вот его изгнание!

Я не знаю, откуда пришли эти строки в мою голову. Он криво улыбнулся.

– Ты и тогда так говорила.

– Каин! Что ты делаешь, Каин?

Оригон мрачной скалой высился надо мной. Когда он появился?

Мужчина перевел свой внимательный взгляд с меня на Оригона.

– Ничего. Мы просто болтаем с малышкой Пифией. Я не нарушал твой запрет, даже близко не подходил.

Ядовито ответил он.

– Ты пробуждаешь ее память!

Ярость сверкнула в глазах Оригона. Я почти физически почувствовала, как закипает его кровь. Мне стало нехорошо, сознание помутилось.

– Осторожнее... она такая хрупкая, как фарфоровая куколка.

Оригон быстро глянул на меня, и в то же мгновение меня подхватили сильные руки.

– Прости...

Его горячее дыхание обожгло меня. Он заставил себя успокоиться.

– Как трогательно! Сцена достойная аплодисментов. Твое падение, Оригон, вопрос времени. И таймер уже тикает...

Жестко проговорил Каин.

– Он ядом отравляет суть, когда не выдохнуть и не вдохнуть... Его слова – удары плети, и помыслы его чернее тени...

Мои тихие слова зависали в пространстве.

– ...он – смерти дар, судьбы изгнание, отступник жизни, раб преданья. В его душе зияет рана, и боль ее – его отрада... он ненависть возвысил до небес, и зависть черная – его надгробный крест!

Жестко закончил он, его глаза были холодны и безжиз-

ненны.

Я высвободилась от рук Оригона, сделала несколько неуверенных шагов к Каину.

– ... любовь его оставила на век, но сердце растопить поможет снег, лишь чистота хрустальная стодится, глотком из жизни будь ему водица...

– Ох, уж эти человеческие слабости. Она уже готова меня пожалеть!

Сквозь зубы процедил Каин.

– Придержи ее, Оригон! Иначе я могу найти забавным ее порывы. До новых встреч, малышка Пифия!

Он степенно поклонился и исчез, просто растворившись в темноте.

– Почему он называл меня Пифией?

Я повернулась к Оригону, он задумчиво молчал.

– Оригон, я задала вопрос.

Воин сухо глянул на меня, казалось он где-то далеко...

– Защищайся! Используй свой дар!

Оригон яростно смерил Пифию взглядом.

– Нет!

– Тогда беги!

– Нет.

Она устало взглянула на него.

– Именно ты отправишь меня в мир, который я выбрала.

Воин был в бешенстве. Тонкая струйка крови потекла

из носа Пифии, она украдкой стерла ее, все еще бросая ему вызов, но уже как человек, а не как бессмертная сущность.

Оригон не замечал, как его дар действует на нее, даже не догадывался.

– Я сделала выбор, ты мне не указ!

Оригон метался по маленькой комнате подобно урагану, Пифия уже с трудом контролировала свой слабый голос.

– Я отказалась от тебя, Оригон!

Воин остановился, замер, его боль была невыносима. Кажется, внутри него что-то сломалось, сердце судорожно сжалось, дыхание сбилось. Полные боли глаза уставились на девушку. И только сейчас он увидел, как она бледна. Пифия медленно оседала, силы ее покинули. Он не помнил, как подхватил ее. Глаза девушки с трудом остановились на его лице. Бескровные губы прошептали его имя с благодарностью.

– Прекрати...

Ее слабый крик вернул его. Глаза ее были наполнены ужасом, она из последних сил цеплялась за его одежду, чтобы не упасть. Он подхватил ее аккуратно, опустил, давая возможность сесть. Второй раз за сегодня он потерял контроль над собой...

Я уже совсем пришла в себя, но мой слабый протест был целиком проигнорирован, меня подняли на руки. Оригон

нес меня легко, без видимых усилий. До самой квартиры он не проронил ни слова. Его лицо было совершенно непроницаемо, я не могла узнать, о чем он думает, но нехорошее предчувствие стало понемногу действовать на нервы.

Он уложил меня в кровать, как больную. Помог снять обувь и укутал в одеяло. Я все ждала, когда же он заговорит...

– Ты больше не увидишь меня.

Слова прозвучали вымученно. Я закусила губу, чтобы не разреветься.

– Так будет правильно.

Я кивнула.

– Ты быстро забудешь меня.

Я снова кивнула, хотя не верила его словам.

– Никого и ничего не бойся, просто живи...

Я проглотила слезы, крепко сжимая губы, чтобы не вырвался стон.

– Я...

– Просто уходи...

Выдавила я хрипкое подобие фразы. Он повернулся к двери.

– Нет, стой...

Он замер, медленно развернулся. Его внешнее спокойствие не могло обмануть меня.

– Поцелуй меня.

Оригон растерянно застыл.

– Оставь мне воспоминания...

Он долго изучал мое лицо. Быстрые уверенные шаги, заставили мое сердце пуститься в галоп. Он притянул меня к себе почти с отчаянием. Глаза наши встретились, борьба в нем не утихала ни на секунду. Я почувствовала как его губы, с болезненной нежностью изучают мои, в нашем поцелуе было все: сдерживаемая страсть, невостребованная преданность, горечь прощания и понимание того, что мы будем обречены, помнить его всю жизнь.

Недели без него. Я будто училась жить заново, все краски мира побледнели, выцвели в одно мгновение, оставив меня в черно-белой действительности. В ту ночь, когда он оставил меня, я редела, казалось, что слезы не кончатся никогда... Потом стало хуже, внутри осталась сосущая пустота, я стала пустой оболочкой, подобием человека, для которого мир стерли ластиком. Я ничего не ела, почти не двигалась, все мои приготовления, вся моя бравада о том, что я смогу жить без него, не выдержали первого же испытания. Дни тянулись мучительно долго, потом грани отделяющие один день от другого стерлись, образуя вереницу глухого прозябания. На работу я не ходила, меня автоматически зачислили на больничный, после звонки прекратились, казалось, что сама жизнь вычеркнула меня из списка живых.

Я не спала, голова была тяжелой, воспаленные глаза всматривались в темноту предутреннего пробуждения. Те-

ни становились прозрачнее, появлялись смутные очертания домов вдалеке, небо наполнялось новыми красками, звезды почти погасли... Первые звуки стали заполнять тишину, там за окнами все просыпалось и оживало. Я вдруг поняла, что впервые за эти дни вижу краски и слышу звуки. Я заставила себя встать, слабо покачиваясь, подошла к балконной двери и открыла ее, ворвался холодный ветер, он разметал мои волосы и проник в комнату, меня проняло до костей, мороз защищал по коже и вдруг... я рассмеялась. Брызнули слезы, я осела в проеме, подставляя свое теплое тело морозному утреннему солнцу. Я чувствовала, я дышала, и, наконец, я поняла, что выжила...

Я заставила себя поесть, приятная тяжесть наполняла желудок, теплом разливаясь по всему телу. Перерыв в квартире все вверх дном, я, наконец, нашла запылившийся походный рюкзак. Недолго думая, я загружала в него теплые вещи, немного еды, спички, соль, маленький походный топорик и охотничий нож. Сделав пару звонков по телефону, я выдернула шнур. Последний раз бросив взгляд на квартиру, проверяя, все ли выключено, я выскочила в коридор, заперла дверь, и, не давая себе возможности подумать, пустилась вниз по лестнице.

Снег приятно хрустел под ногами, солнце немного припекало лицо, от чистого, насыщенного кислородом воздуха

кружилась голова. Я все никак не могла привыкнуть к лесному пейзажу, каждый раз внутри что-то трепетало, в груди что есть силы, билось сердце, почти до боли сжимаясь от восторга. Молодые елочки, присыпанные ночным снегом, приветливо махали мне лохматыми лапами, немногочисленная лесная живность носилась по своим делам, нисколько меня не смущаясь. Я с сожалением оторвалась от местных красот с их деловитыми обитателями, надо было собрать хвороста, ночные морозы с пронизывающим зимним ветром быстро выстужали старую потрепанную жизнь хижину, где я когда-то остановилась на ночлег, перешедший в долгое основательное жительство. Дни я не считала, моя рана требовала долгого лечения, и я дала себе слово быть терпеливой.

Вечер быстро окутывал все синими тенями, скрадывая контуры, приглушая цвета. В печи потрескивал живой огонь, разгоняя по щелям сквозняки. Старый заброшенный дом требовал основательного ремонта, и по мере сил своих я приводила его в порядок, но все еще оставалось много работы. Прорехи в кладке печи отбрасывали на стены красные всполохи, единственная свеча мерно покачивалась на столе, ореолом разгоняя темноту вокруг себя, я всматривалась в ее яркий контур и ни о чем не думала, я взяла за правила освободить свою голову от мыслей, в те минуты, когда вынужденно бездействую, все остальное время хозяйственные заботы занимали мое внимание.

– ... о, как трепещет рана, там, где когда-то билось сердце... и боль, вот та замена, что делает тебя бесстрашной...

Я вздрогнула, не оборачиваясь на голос, прошептала.

– Каин.

– Всей своей скромной персоной.

Вкрадчиво подтвердил он.

– Ты пришел сплясать на остатках того, что от меня осталось?

Мой голос не дрожал, я была абсолютно спокойна, только, пожалуй, немного раздосадована той компанией, что мне досталась, Каин не был приятным собеседником.

– О, как я люблю страдания, столько граней, и каждая по себе уникальна...

– Почему бы тебе не испытать их на себе, впечатлений будет больше, гарантирую! Ах, да! Ты же не можешь...

Мне показалось или он действительно напрягся.

– Дерзость – лохмотья, прикрывающие слабость.

– Зато я могу себе ее позволить, а ты как нищий просишь подаяния.

По-моему, я его достала, я физически ощущала его гнев, мне стало не по себе, голова закружилась.

– Что ты об этом знаешь?

Его шипение заполнило комнату, и столько в нем было тоски, я почти захлебнулась в ней.

– Прекрати, ты не напугаешь меня, сам сказал – боль делает тебя бесстрашным.

– Скорее отчаянно ищущим гибели!

Я задумалась.

– Возможно...

Он шагнул ко мне, наползая грозной тенью.

– Если ты думаешь, таким образом вновь увидеть его...

Что он появится в ту же секунду и спасет тебя, потому что обещал...

– Нет! Я этого не хочу.

Он застыл.

– Чего же ты хочешь, играя с самой смертью?

Я резко встала, оказавшись вплотную к нему, его глаза буравили меня холодным презрением.

– Свободы от всего, что не является моей волей.

Он усмехнулся, напряжение спало.

– И кто из нас двоих нищий?

Я улыбнулась.

– Тот, кто судьбу свою узная, презрит законы бытия, свободы парус распуская, не знает, что несет тебя, в объятья призрачных желаний, ... и скалы встречены шутя...

Каин печально улыбнулся.

– И ты собралась штурмовать очередной Эверест, вооруженная лишь человеческим упрямством?

- По-моему, более чем достаточное снаряжение. Чаю?
- О, во мне борется брезгливость и любопытство...
- Не сомневаюсь, что победит второе.

Не дожидаясь ответа, я прошла к печи, где у меня уже закипал чайник. Каин с интересом наблюдал за моими нехитрыми манипуляциями.

Оригон сидел на каменной кладке, что составляло остатки некогда великолепнейшего садового ансамбля, теперь же в хаотично разбросанных то тут, то там поросших мхом развалинах только угадывалась бывалая роскошь. Воин приходил сюда из века в век, и потому прекрасно ориентировался в этом сплетении камня и дикой буйной растительности, что неведущему могло показаться настоящим лабиринтом. Кинжал тонкой работы, с россыпью драгоценных камней на рукояти и невероятно крепкой закаленной сталью сверкал, начищенный умелой рукой, он был молчаливым другом и свидетелем непростой жизни война. Глаз вновь и вновь цепляло хитрое сплетение узоров, в котором проглядывался глубокий философский смысл, только в сочетании с ножнами, кинжал приобретал законченность, показывая наиболее удачный путь в решении сложных жизненных задач, и путь этот был в том, чтобы гладкая сталь не показывала свое совершенство миру. Оригон часто думал о своем кинжале, еще и потому, что это был подарок от Пифии, он никогда не знал

чужой крови, только крови своего хозяина, согласно ритуалу верности. Оригон шутил, что оставшись без оружия против множества врагов, и тогда не осквернит его и потому погибнет... Пифия морщила свой носик, глубоко задумываясь над такой возможностью, на глаза ее наворачивались слезы, Оригон уже был не рад своей шутке, он обнимал ее, пытаясь утешить.

– Я подарила его тебе, не для того, чтобы пасть, но задуматься над тем, как возвыситься... Но мой подарок не может стать причиной гибели, заставляя сделать выбор, который я никак не могу одобрить, потому верни мне его...

Она была так трогательно серьезна, почти напугана.

– Лишь тысяча твоих поцелуев могут заставить меня отказаться от него, но это будет коварная взятка, ибо добившись своего, ты обречешь меня на страшные испытания, не секунды более я не смогу прожить без твоей ласки и, как только наскучу тебе, погибну.

Она густо покраснела, загнанная в тупик его словами.

– Я словом закрепляю действие, отвага побратим и чести, порыв души и мудрость жизней тебе щитом от вражьей вести. Мое дыхание – жизни право, тебя любовью озаряла, когда так будет, я сказала, и слово нерушимо стало...

Он пораженно слушал ее магический шепот, сама же девушка находилась в состоянии, близком к трансу. Тогда он

узнал ее дар.

– Друг мой, ты так предсказуем...

– Не скажу, что и твое появление стало для меня сюрпризом, Каин.

Оригон провел пальцами по гладкому лезвию и убрал кинжал в ножны.

– С того дерева замертво попадали все птицы.

Каин оглянулся и увидел несколько потрепанных безжизненных комочков.

– Эти божьи твари слишком нежны, а я немного взволнован. Аксель очень зол на тебя.

– Догадываюсь.

– Тебе никогда не хватало прозорливости, Оригон! Он плетет хитрую паутину, пока ты ослеплен прошлым.

– С каких пор ты стал таким заботливым?

– О, забота тут ни при чем. Моя душа жаждет видеть противостояние равных соперников, а не избиеие младенца, это пошло и... надо признать, уже было... Бессмертные так помельчали, интриги – самое большее, на что они решаются, все трясутся за свое вечное существование... это так скучно!

Каин театрально вздохнул, его острый взгляд практически буравил воина, доказывая, что в рукаве у этого проходимца спрятан козырный туз, с которым тот, правда, не спешил расставаться.

– А, малышка Пифия тут совершенно не причем, просто,

когда лес рубят – щепки летят...

Он исчез раньше, чем Оригон успел до него дотянуться. Яростный рык война огласил округу, кое-где взорвались кирпичные кладки, пережившие тысячелетия, но не выдержавшие гнева Оригона.

...теченье жизни – миг продления. Улыбка, слезы, боль – мгновение... что вечно – не имеет ценности, цени, что скоротечней бренности...

Воин мрачно уставился на неровные нервные строчки, выведенные спешной рукой. Ее дар просыпается...

Оригон видел, как буквы трепещут, наполненные силой, они почти обжигали.

– Пифия, оставь ее! Ты забираешь ее жизнь...

На том же листе, но ниже огненные буквы вывели строчку.
«...ее ты выбрал, чувствуя меня...»

– Ты никогда не была жестока!

«... она – это я... еще одно мгновение бытия, сосуд, в котором жизнь – мое дыханье, она – перчатка, я ж ее хозяйка!»

– Ты погубишь ее своим упрямством, она не сможет вме-

стить тебя всю, это безумие!

«...ее ты любишь, иль воспоминанья? Отважно сердце
в храме ожиданья...»

– Я не узнаю тебя, Пифия...

«... я слабости телесные забыла, уж много лет подобна я
эффиру, душа без лат сильнее стала стала, я вижу больше, чем
тебе сказала...»

– Из честолюбивых планов ты готова кинуть ее на растер-
зание зверю?

«... о, милый Оригон, тебя ревную, пленен ты хрупкостью
сосуда моего, но старое вино тебя пугает... оставь сомнения
на суд великий – время, и слово дам тебе мое, что удивит
тебя оно...»

Строчки вспыхнули и пропали, оставив лист таким же, ка-
ким его нашел Оригон.

– Мара...

Он впервые произнес ее имя.

– Что же она для тебя приготовила?

Я ломала голову уже битый час, от натуги мыслительный процесс буксовал, и я все больше и больше делала глупые ошибки.

– Еще партию?

Каин довольно потирал руки, с гордостью рассматривая черное засилье на шахматном поле.

– Объясни мне одну вещь... В чем интерес, если играешь с заведомо слабым противником?

Мне порядком надоело проигрывать, шашки – не были моей сильной стороной, в шахматы я вообще не играла, да и азартной меня можно назвать лишь с большой натяжкой, что не скажешь о Каине, который уже ловко расставлял свои черные войска в боевой порядок.

– Я за множество ходов просчитываю все твои возможные действия, уловки, ловушки, подставы... Еще до того, как ты сделаешь ход, партия мною уже выиграна..., но на всю мою тактику и стратегию, на все мои прогнозы ты отвечаешь неопикуемой глупостью, я, признаться, озадачиваюсь, ищу подвох, и порой даже переигрываю самого себя, это забавно...

– Глупость... – проворчала я, – может, это нестандартный

подход к решению стоящих передо мною задач!

– Можно и тазик назвать самолетом, только от этого он не полетит...

Глубокомысленно изрек зритель.

– Может, карты?

С надеждой пролепетала я.

– ... где не хватает разума, мы ставим на удачу...

– ... но жизни круг и не назвать иначе, чем чередой случайностей, и то, что это значит, нас заставляет скорее верить в счастье и удачу, чем слушать доводы холодного ума...

– ... и потому, когда твой разум вопит о действие, ты бога молишь сделать все по чести, надеясь на авось, забыв, что чудо – скорее плод фантазий буйных...

– ... но разве чудо – не стремление поставить праздность на колени, унять томление, взмыть от муки, родиться вновь, не зная скуки, прожить свой век, неся в себе надежду каждому из вне, как искра, что рождает пламя, быть века нынешнего славой...

– ... романтика – страшна, что убивает без ножа, она надеждою питает, и ядом медленно, но травит... попробуй залатать дыру, имея сильную нужду, один лишь мысленный порыв, – и скоро ты покормишь рыб...

– ... но в инструментах нет нужды, когда без чувств уже и ты, холодный ум – рука без тела, ты знаешь брод, но в цели – дело, умея быть – ты верой дышишь, рожден от бога – правду видишь, и сердца огненного стук любовью подкреплен, мой друг!

– Наивность и глупость идут рука об руку...

– А колючки кактуса защищают нежную мякоть!

Огрызнулась я.

«Оригон», – я попробовала это имя на вкус, внутри все сжалось в предвкушении боли..., но ничего не было, только немного нежной грусти и щемящей тоски, с каким-то еще теплым вкусом благодарности за то, что он когда-то был в моей жизни. Я расслабилась, позволила своим мыслям течь дальше, позволила его образу предстать передо мной, вспомнить его редкие прикосновения и тот наш единственный поцелуй, меня затопило невероятно нежное чувство, у меня получилось его отпустить, возможно, потому что он никогда мне и не принадлежал вовсе... «Оригон», – я возвращаюсь

к жизни, я стала сильнее, я чувствовала невероятный подъем и желание что-то делать, творить, жить, чувствовать каждый миг свободы от боли и собственной зависимости от мужчины, что когда-то ворвался в мою жизнь вихрем, а потом исчез, оставив меня истекать кровью, будто своим уходом вырвал мое сердце. Теперь там только рубец, я чувствовала его почти физически, рана затянулась...

Я открыла дверь своей квартиры, меня встретила пыльная тишина, только сейчас я увидела, что все, что меня окружало многие годы, теперь меня совершенно не устраивает, – все пресно, все не имеет ни вкуса, ни цвета, как будто, раньше я боялась жить во всю силу, заглушая в себе порывы, диктуемые моей натурой, в череде каких-то надуманных самой себе запретов. Я всю жизнь копила, отказывая себе даже в малых приятностях, таких необходимых теперь, будто собиралась жить вечно в каком-то туманном будущем.... Будущее, оно теперь не было для меня копилкой несбывшихся надежд и желаний, я больше не верила, что с его скорым приходом в жизнь мою ворвется счастье. О, как же я была наивна! Теперь все изменится, не само собой, заставляя меня пассивно наблюдать из-за угла, я сама все изменю, я это чувствовала, я этого желала...

Музыка заполняла собой все пространство, каждый уголок моей души, я растворялась в ней, становилась ею, каждый ее перелив вторил моему дыханию, ритм отбивало мое

сердце, я была ее осознанным вихревым потоком, вбирая ее силу и мощь, заставляла стать частью меня... я чувствовала, как она касается всего, проникает во все, а главное заставляет отвечать на свой зов, я чувствовала соучастие всего, что вокруг, каждого предмета, каждой клеточки, если это были растения или крошечные пернатые существа, прилетающие сюда каждое утро. И меня наполняла радость обладания такой светлой тайны, как соучастие, взаимодействия, я готова была поклясться, что вокруг меня все живое, я даже слышала песни камня, что когда-то был частью могучей горы, но пожелавший свободы и движения, ну точно, как я!

«... осознаешь себя таким, как все... и будто клон копируешь чужие мысли, желанья продиктованы извне, а ты – сосуд, который этим дышит...»

Все вокруг было наполнено такой древней тихой мудростью, что невольно сжималось сердце, но теперь я могла к этому прикоснуться, вобрать в себя, стать частью, или даже всем, что меня окружает, но ничего теперь не теряя... Это казалось невозможным...

– ... он пришел, пришел..., – тихий шепот пробежался по траве, его подхватили деревья, эхом откликнулась вода в ручье, я обернулась.

Каин задумчиво уставился на девушку, он мог поклясться, что она знала о его появлении раньше, чем его нога коснулась земли... Он тронул ее сознания, ее лицо почти не изменилось, только прозрачная тень сделала его более серьезным, она мягко отклонила его вторжение.

– С пробуждением, малышка!

Он смотрел на нее изучающе, почти с восхищением. Каин даже подумать не мог, что она так быстро сживется со своим даром, более того, в нем появились неизвестные ему оттенки, это интересно, очень интересно...

Я смотрела на него, почувствовала его удивление, но он очень быстро захлопнул передо мной эту дверцу, отгородившись такой плотной стеной, что я почти перестала его видеть, как сильно обострилось мое восприятие! Но через мгновение я вдруг поняла, что то, что недоступно мне, прекрасно читают окружающие предметы, для них не существовало барьеров. Они чувствовали его немного иначе, в полутонах, будто угадывая его намерения, касались его и успокаивались, потому, что он не нес угрозы...

Я не смогла скрыть это открытие от Каина.

– Детка, не надо со мной играть!

Я опешила, он стал невидимкой, нет, он все еще был здесь, земля ощущала его тяжесть, ветер натыкался на непонятную преграду, но подобно черной дыре, он не нес больше в себе информацию, хотя я видела каждый изгиб его усмехающихся губ, его горящие вызовом глаза, его расслабленную на первый взгляд фигуру, это было невероятным открытием!

– Думаю, что мы достаточно поприветствовали друг друга...

Я примирительно улыбнулась и вздрогнула, потому что Каин оказался вдруг так близко ко мне, что я ощутила его дыхание. Он удовлетворенно кивнул.

– Иногда проиграть – значит победить!

Не удержалась я от шпильки, он искренне рассмеялся.

– Ты забавный зверек, Мара! Я мог бы часами наблюдать за тобой...

Я смутилась и, по-моему, даже покраснела.

Его взгляд погрустнел.

– У нас мало времени, собирайся!

На этот раз он не стал от меня закрываться, я почти сразу осознала всю серьезность ситуации. Совет. Приговор. Охота.

«... ты предан и загнан судьбою в объятия безумия... твой путь не очерчен, – ты плод воображения буйного... и каждый твой вздох, – должен быть оправданьем для времени, ты – призрак, но призрак, который умеет быть преданным...»

Я на расстоянии почувствовала, как он ошетинился. Каин чувствовал угрозу... Это пятое место, которое мы сменили за время нашего скитания, и раньше мы всегда успевали уйти до столкновения с охотниками, но теперь я чувствовала, что капкан захлопнулся вокруг нас. Каин всегда и все предвидел, почему на этот раз чутье его подвело? Все вокруг шептало об опасности, ветер испугано метался в кронах деревьев, птицы безмолвствовали, воздух почти трещал от напряжения. Я кинулась туда, где ощущала Каина. Я не боялась, внутри будто разворачивалась годами сжимаемая пружина, я торопилась...

Я бежала все быстрее и быстрее, уже не ощущая тела, напряжения мышц, я была одним сплошным потоком энергии, в какой-то момент, я перестала чувствовать сопротивление воздуха, очутилась в вязком прозрачном желе, будто в воронке, пространство вокруг меня стало сплошным размазанным цветным пятном, я с усилием сделала шаг, именно шаг, ощущая, как мгновенно становлюсь материальной. Картинка вокруг меня на доли секунд застыла, но потом, будто получив указание «отомри!», все ожило, стало совершенно нормальным. Я сразу увидела Каина, с восторгом сообразив,

что перенеслась за несколько сот метров в считанные секунды. После чего на меня будто упала бетонная плита, тяжесть прижимала меня к земле, я буквально рухнула на колени, не имея возможности ни кричать, ни сопротивляться. В глазах потемнело, меня крошила неведомая сила с неумолимостью расчетливого убийцы. Я буквально кричала в сознании, напрягая последние силы, что бы сбросить с себя этот непомерный груз, казалось, у меня больше нет тела, но железные тиски продолжают сжимать то, что все еще оставалось мной. Натиск только рос, я почти отчаялась, я почти смирилась с тем, что уже через мгновение перестану существовать, когда вдруг непроизвольно расслабилась, будто пытаюсь перевести отчаянно дыхание, и вдруг эта огромная сокрушающая сила, не найдя преграды, прошла сквозь меня, исчезла...

Воин почувствовал, как пространство за его спиной стало уплотняться, он медлил лишь мгновение, давая возможность пришельцу материализоваться полностью, после чего нанес удар, который не оставил бы его врагу ни единого шанса. Его больше волновал Каин, он был куда опаснее, потому Оригон не спускал с него внимательных глаз. Каин дрогнул, лицо его исказилось, он в разрез здравому смыслу перевел внимание на то, что творилось за спиной Оригона, открывая себя для атаки. Оригон и не думал поддаваться на провокацию, прекрасно понимая, что его первый удар дошел до цели, и потому беспокоиться о нападении со спины не прихо-

дилось... Ветер принес ее запах... Не может быть, он бы сразу ее почувствовал... Воин сделал шаг назад, полуповорачиваясь, чтобы не упускать из поля зрения Каина и застыл, бросив взгляд в сторону свернувшегося на траве тела... Мара...

Обрывки одежды лишь немного прикрывали ее белое тело, лицо было смертельно бледным, она застыла в неестественной позе, безжизненно раскинув тонкие руки, не шевелилась и не дышала.

Воздух взорвался в том месте, где еще мгновение назад стоял воин, резкая вспышка и Оригон уже склоняется над телом девушки, Каин опоздал лишь на долю секунды, застыл гранитным изваянием рядом с ними.

Я была свободной, я была всюду, времени больше не существовало... Солнце было моим теплом, ветер – моим дыханием, вода – моей возможностью осязать и касаться всего...

«...мое дыхание жизнь тебе подарит... улыбка сердце вновь заставит биться, ты разомкни застывшие уста, ты научи желание стремиться... тебе дорогу дорогим ковром застелют множества, увенчанные славой, и победитель будет покорен, ты силу беззащитностью сломала...»

Пел прекрасный голос, он был неземным, проникающим намного глубже, чем позволено сознанию, слезы хлынули очищающим потоком, но это не были привычные нам слезы, капли соленой влаги, нет, это был освежающий свет с самой глубины моей души, будто вновь и вновь взрывалась сверх

новая звезда внутри меня...

На мгновение я даже увидела ее лицо, мне показалось, что именно так выглядят ангелы, она была соткана из света, невероятно теплого, манящего прикоснуться, она улыбалась мне, как мать своему дитя, сердце защемило до боли, так хотелось ее одобрения и участия...

«... ты мною выбрана, но путь имеешь свой... любовь до-рогу выложит туда, где есть покой...»

Она произнесла это шепотом, подобным тысячи приборам, теплым волнам, ласкающим гладкие камни на берегу, и исчезла...

Я почувствовала, как стремительно уменьшаюсь, как плотнее становиться мое понимание самой себя, как оно отделяется от всего того, чего еще мгновение назад я была частью, как тяжелеет моя воля, как я начинаю осознавать свою сущность, воплощенную в теле... и тело. Меня окатило ледяной водой, или мне так просто показалось, сердце гулко застучало в груди, я боролась с паникой, охватившей мое несчастное тело, оно было шокировано и напугано...

И снова это безумие... Оригон прижимал ее тонкое тело к груди, он тщетно искал хоть какую-нибудь искру жизни, отчаянно молясь Богу, от которого давно отвернулся.

– Ты не можешь вновь меня покинуть!

Он кинулся к вспышке гнева, как к спасательному кругу.
– Не смей! Слышишь!

Каин молча наблюдал за его отчаянными попытками вернуть Мару к жизни, и не мог разобраться со своими ощущениями, будто внутри все замерло, его оглушило изнутри, и он не мог понять, как такое возможно. Словно у него забрали надежду, так наверно сказали бы сентиментальные люди, но он не был человеком, и уж точно не отличался чувствительностью. То, что началось, как игра, стало вдруг для него особым, даже знаковым событием...

Оригон уложил девушку на траву, одним резким движением сорвал с себя плащ. Медленно, словно каждое движение причиняло боль, стал накрывать ее холодное тело. Какое спокойное у нее лицо, но он то знал, что она перед этим испытывала страшную агонию и боль, и причиной этому был он... Он коснулся ее ледяных губ, убрал прядь волос со лба, он не оставит ее здесь, не позволит этому телу гнить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.